

—Итак, проблема Сашенькиной прописки была решена. То, что решена она была всего лишь на один год, не смущало меня. Доживём, увидим, как быть дальше. Теперь надо было думать о том, где нам жить, то есть нужно было искать комнату.

—Я узнал, что существует некий "рынок" в Малковом переулке, где встречаются спрос и предложение на обмен и сдачу жилья в наём. Прямо оттуда какая-то тётенька повезла меня к чёрту на кулички за город посмотреть её комнату, которую она сдавала за двадцать рублей (эта-то цена и привлекла меня). Дом оказался деревянным, без удобств, то есть сортир во дворе, вода из колодца, а комната малюсенькой, правда, с мебелью: стол, стул, этажерка и кровать. Трудно было представить, как тут можно жить с ребёнком, но я радовался тому, что в принципе проблема решается, и в крайнем случае готов был согласиться и на такой вариант. Окончательного ответа я тётеньке не дал, сказав ей, что должен обсудить всё с женой, которой сейчас нет в Ленинграде.

—На Малковом рынке я был всего один раз, которого оказалось достаточно, чтобы понять, что этот способ поиска жилья утомителен и не слишком эффективен - я проколокачивался там часа три, пока не подвернулась та тётенька. Я стал спрашивать знакомых в общежитии, на кафедре и с курса - нет ли у них какой-либо информации о сдаче жилья, так как глупо было бы сразу соглашаться на первый же попавшийся и отнюдь не идеальный вариант. Таким способом я и наткнулся уже в разгар весны, где-то в апреле, на вариант, всего лишь на десятку дороже, но гораздо более удобный, если не сказать - шикарный. Не помню уж, кто на него меня навёл. Комната - метров двенадцать квадратных, на Петроградской стороне, на улице Чапаева, рядом с общежитием 1-го Медицинского института. До университета - минут двадцать езды трамваем. Хозяин - холостяк, нашёл себе подругу и тоже с комнатой, куда и переехал, а свою решил сдавать по стандартной цене - 30 рублей в месяц. С ним я и договорился.

—Из общежития я пока не выезжал, так как одному мне отдельная комната не требовалась и со Стырой было неплохо, а главное - университет рядом. В нашу же будущую семейную комнату на Чапаева я приволок и поставил наше первое крупное приобретение - радиолу "Ригонда". До этого в нашем семейном бюджете, складывавшемся из стипендий и родительских дотаций (мне ежемесячно высылали по 60 рублей) самые крупные траты приходились на книги по геофизике и по искусству, которые я начал понемногу приобретать с прошлого года - года рождения Иринки, так что наша библиотека и Иринка - ровесницы, если не считать нескольких книжек, бывших у меня и Сашеньки ещё до нашей женитьбы.

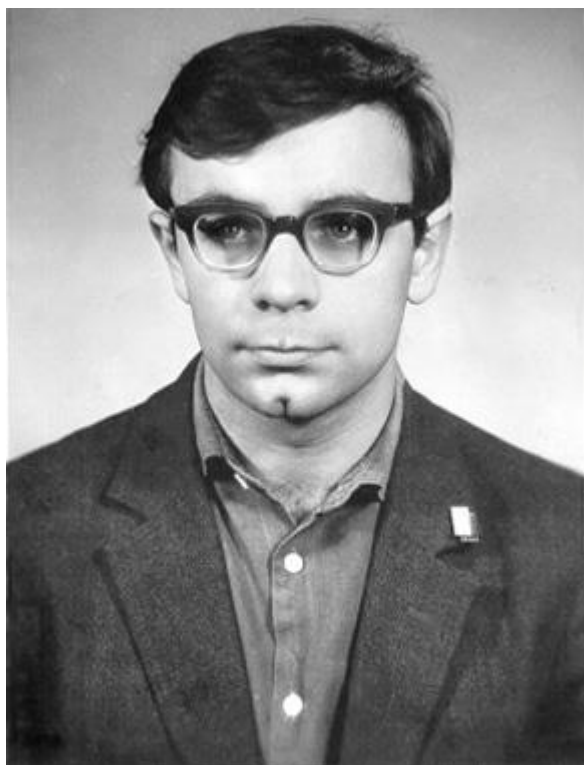
—Итак, кроме временной прописки на год для Сашеньки у нас появилась ещё и своя комната, в которой помимо "Ригонды" имелась и хозяйская мебель: двуспальная железная кровать, шкаф, стол и рассохшийся стул. Оставалось перевезти в Ленинград Сашеньку и устроить её на работу. Неясно было только, как быть с Иринкой.

—На первое (и не очень-то определённое время) мы решили перевезти Иринку в Калининград и оставить её там под опекой моей мамы (Сашенькина же работала!). Моя мама согласилась, хотя в это время она жила без папы, который оставался в Александрии (а мама только что оттуда вернулась полная впечатлений, которыми с энтузиазмом делилась), и ей хватало забот с Милочкой, оканчивавшей шестой класс.

—Кстати, и Люба в это время жила в Калининграде и училась теперь в КТИ, куда она перебралась с физфака ЛГУ, фактически позорно бежав из-за неуспеваемости, формально же - по состоянию здоровья. У неё, действительно, было плохо со зрением, но не успевала она, конечно, не по этой причине, а из-за загулов с Люськой Балуевой. Тогда они сразу, едва поступив в университет, ринулись в бурную, квазибогемную жизнь, за что и поплатились обе.

—Когда Люба ещё училась на физфаке, за ней стал ухаживать один очкарик - теоретик, курса на два младше меня, маленького роста, но с ладной фигурой гимнаста - выпуклая

грудь, втянутый живот, крупные бицепсы, слегка отгалкивающие руки от тела, чернявый, ленинградец, звали его Жора Пронько. Как-то, когда мы жили у Пороховых, Любка пригласила нас с Сашенькой в кино, в новый кинотеатр "Зенит" на Московском проспекте и тогда познакомила нас с Жоркой. Потом, когда Сашенька с Иринкой были в Тейково, а я жил один в 50-й комнате в общежитии, то есть осенью 1965 года Жорка часто приходил ко мне и однажды заявил, что хочет жениться на Любке (Любаше, как он её называл). — Жорка мне нравился, он был из отличников, серьёзный и скромный парень. Однако от женитьбы на Любке я его отговаривал - дай Бог ей без семейных забот как-нибудь вуз кончить, да и ветренная она, без царя в голове, намучается с ней Жорка, ни себе, ни ей в радость. Жорка, однако, был другого мнения, считал, что сумеет её перевоспитать, а уж женившись - тем более. Мне, помню, было приятно, что Жорка обращается ко мне за советом, и я, слегка напыщенно, вёл дидактические речи об ответственности такого шага, как вступление в брак. Себя-то я, конечно, считал уже опытным семьянином.

Жора и Люба в 1966 году

Так вот, в описываемый период, весной 1966 года Любка училась в КТИ - Калининградском техническом институте рыбной промышленности и хозяйства, ведущем вузе города, а Жорка ездил к ней из Ленинграда при каждом удобном случае, в праздники, на каникулы. Нашей маме забот, следовательно, хватало не только с Милочкой, но и с Любкой тоже, а тут мы ещё внучку подсовываем, считая (с почти невинным эгоизмом молодости), что дети её уже взрослые, а внучка, которой ещё (и года нет, будет только радость доставлять. Наша мама, однако, не была бы нашей мамой, если бы отказалась от этих дополнительных забот, на что я в глубине души и рассчитывал...

Списавшись, мы с Сашенькой решили, что я встречу её с Иринкой в Москве, куда они должны будут приехать поездом из Иваново, а я в Москве уже буду иметь для них билет на самолёт до Калининграда, где их встретит моя мама. В Москву я приехал из Ленинграда за день до приезда Сашеньки. Это было перед самыми майскими праздниками, и стояла необыкновенная жара, совсем летняя. Билет на самолёт для Сашеньки по моей просьбе заранее взял Валерка Долгополов (паспорта в кассах тогда не

требовали), у него я и остановился в Москве.

— Валерка делал дипломную работу в Институте физических проблем и жил тут же в общежитии при институте, на углу Воробьёвского шоссе и нынешней площади Гагарина. Находившиеся рядом магазины "Тысяча мелочей" и "Дом обуви" на Ленинском проспекте считались тогда новостройками Москвы. Студенты-дипломники физтеха жили здесь по нашим элгэувским меркам шикарно. Их селили в пятикомнатные квартиры, расположенные в двухэтажном корпусе, примыкавшем к воротам института, выходящим на Воробьёвское шоссе. В каждую квартиру был отдельный вход со двора института. На первом этаже располагались кухня и две большие комнаты, на втором - ванная комната и туалет и ещё три жилые комнаты поменьше - на одного человека, а внизу, в больших комнатах жили по двое, т.е. семь человек в квартире. У нас в общежитии на младших курсах по столько в одной комнате живали. В такой же квартире рядом жил академик Ландау, который, правда, в то время находился в больнице после автомобильной катастрофы, оборвавшей, в конечном итоге его жизнь. Двери в квартиры никогда не закрывались - для уборщиц, приходивших убирать за студентами и прочими жильцами. На территорию института можно было попасть, не предъявляя никаких документов, через всегда открытую калитку у проходной рядом с воротами управляемыми фотоэлементами.

— По поводу встречи у нас с Валеркой, конечно, не обошлось без бутылок, за которыми мы бурно продискутировали с его друзьями уж не помню о чём весь вечер и половину ночи. А вставать мне было нужно рано, так как поезд из Иваново приходил на Ярославский вокзал где-то в полседьмого утра. Мы попросили вахтера, дежурившего в проходной института, разбудить нас по телефону, и он добросовестно пытался это сделать, но ни одна душа на звонки не среагировала.

— Проснулся я ни с того, ни с сего сам, глянул на часы и подскочил: до прибытия поезда оставалось двадцать минут. Пулей вылетел я на Ленинский проспект, прямо на мостовую и начал махать руками, пытаясь остановить какую-нибудь из редких машин (станции метро "Ленинский проспект" тогда ещё не было). Наконец, меня подобрало такси. На перрон Ярославского вокзала я выскочил, когда мимо проходили последние пассажиры с ивановского поезда. Я опоздал минут на десять. Сашеньке кто-то помог вынести вещи из вагона и дотащить их до конца платформы, где она и стояла с завёрнутой в одеяло Иринкой на руках. К счастью, она ещё не успела разволноваться из-за моего отсутствия. С радостью бросился я к жене, схватил дочку, поцелуи... Сашенька тоже так обрадовалась, что не обратила даже внимания на следы вчерашней попойки, в которой я, впрочем, тут же честно признался, объясняя своё опоздание.

— С вокзала мы отправились на такси прямо в аэропорт, во Внуково. До отлёта самолёта оставалось часа три. В аэропорту мы расположились в комнате матери и ребёнка. Иринка вела себя хорошо, не капризничала, весело озиралась по сторонам. Сашенька сварила ей кашку, посадила Иринку ко мне на колени и стала её кормить. Иринка махала во все стороны ручками, я зазевался, и кружка с кашей оказалась опрокинутой. Каши вроде было и немного, но её хватило, чтобы заляпать и Иринку, и меня, и на Сашеньку даже попало. Сашеньке пришлось полностью переодеть Иринку, а я отправился чистить брюки в туалет. Там, кстати, пыталась привести себя в порядок жертва гораздо худшего несчастья: молодой парень с тоской взирал на свой залитый кофеём моднячий светлый костюм.

— Пока я чистился, по радио объявили посадку на наш рейс, тогда она проходила быстро, без досмотра вещей. Я бросился к Сашеньке с Иринкой, они ещё не были готовы. Кое-как собрав всё, схватив в охапку дочь и вещи, мы побежали на посадку и последними погрузились в самолёт - толстопузый АН-10, не обращая внимания на окрики: "Куда? Провожающим не положено!" Я усадил на место Сашеньку с Иринкой и выскочил из самолёта в момент отхода трапа.

— "Ну, слава тебе, господи, - отправил!" - облегчённо думал я, маша рукой вслед вырвавшимся на взлётную полосу самолёту.

(продолжение следует)